

Пушкин А.С.

9.01.03.

Новые Известия - 2003 - 9 янв. - с. 7.

О «замысловатой клевете» на Пушкина

Ольга АЛЕШИНА, для «Новых Известий»

Пушкин предвидел, что «какой-нибудь издатель замысловатой клеветы» станет доказывать тождество Евгения Онегина с его автором, но такого он предположить не мог...

Заголовком интервью г-на Баркова в газете «Новые Известия» (28 ноября 2002 года) стало начало пушкинской эпиграммы «Пупок чернеет сквозь рубашку». Этот «похабный стишок» (по словам Набокова) г-н Барков приводит в газете как доказательство «глубоко ироничного» отношения Пушкина к его любимой героине — Татьяне. И шокированный интервьюер восклицает: «Ну это даже не столько пародия, сколько явный эпатаж!». Ни один из собеседников не обмолвился, что обсуждаемая ими читателя не самостоятельный текст, а подпись раздосадованного Пушкина под негодной иллюстрацией к «Евгению Онегину».

В 1829 году «Невский альманах» опубликовал серию злополучных иллюстраций работы Александра Нотбека без согласования с Пушкиным. (Набоков называет их «безобразными», «кошмарными каракулями» и добавляет: «Вся эта серия из шести гравюр напоминает творчество пациентов психиатрической лечебницы»). На одной из гравюр, под названием «Татьяна за письмом к Онегину», изображена дошедшая нескладка «с лицом короновицы» (по слову Вересаева), с могучим животом, в съехавшей с одного бока ночной рубашке и с куском бумаги в руке. Такое существо если о чем и способно горевать, так о несварении желудка. Можно себе представить, как взбесила Пушкина эта халтура, появившаяся под маркой «Евгения Онегина». Поэт излил эмоции в эпиграмме. В ней он осмеял «творение» горехудожника и выразил отношение к предприимчивым издателям: две последние, ударные строчки эпиграммы указывают на «Невскому альманаху» традиционное в подобных случаях направление.

Г-н Барков, упоминая о «Невском альманахе» в связи с эпиграммой, умолчал о главном — об иллюстрациях. Стишок, вырванный из литературоведом-структуралистом из исторического, стилистического и смыслового контекста, должен был показать неподготовленному читателю, что Пушкин издается над своей любимой героиней. Чувствуя шаткость своей логики, г-н Барков заручился мнением не кого иного, как Белинского, — последний был недоволен недостаточной радикальностью мировоззрения Татьяны. Ничего не подлащало, взгляды нашего революционного демократа были ограничены, уж это факт.

Что же до истинного отношения Пушкина к Татьяне (которая, по свидетельству Кюхельбекера, выражала духовную сущность автора), то в 1825 году Пушкин писал Бестужеву: «...Ах! Если б замалить тебя в Михайловско!». Ты увидишь, что если уж и сравнивать Онегина с Д(он) Ж(уаном), то разве в одном отношении: кто милее и прелестнее (gracieuse), Татьяна или Юлия?». И до последних строк «Онегина» Татьяна остается «милым идеалом» автора.

Стоит отметить, что написанная в таком стиле эпиграмма отнюдь не предназначалась для широкой публики. В самом страшном сне не мог бы Пушкин увидеть ее в газетном заголовке. Еще Набоков колебался, следует ли приводить этот «похабный стишок» даже в таком специальном издании, как «Комментарии к роману Пушкина «Евгений Онегин», и поместил его с пропусками. Созерцание этого текста без пропусков, на газетном листе, вызывает некоторую оторопь — на что и рассчитывал г-н Барков, чтобы вызвать читателя «теплым». Выдернутая из своего стилистического и смыслового контекста, как рыбка из ручья, эпиграмма разом утратила живость и игру, выглядит просто грубой и неприличной. Конечно, за последние годы мы привыкли к тому, что похабная лексика вошла в повседневный язык, но это не обогатило, а сузило возможности языка. Чем менее разнообразны стили общения, тем ниже общий уровень культуры.

Атака на Татьяну понадобилась автору для доказательства его основной идеи: «Евгений Онегин» — это мениппея, т.е. Пушкин пародировал некоего рассказчика, от лица которого якобы ведется по-

вествование, и тем мистифицировал читателя. Г-н Барков внушает: «Читая этот роман, следует все время помнить, что это текст самого Евгения Онегина (первое издание вышло вообще без фамилии Пушкина на обложке, там стояло только — Евгений Онегин), что это он рассказчик. «Но любой читатель первого издания, перевернувший обложку, читал в предисловии: «Несколько песен, или глав «Евгения Онегина»... носят на себе отпечаток веселости, ознаменовавшей первые произведения автора «Руслана и Людмилы». Г-н Барков, сославшись в своем интервью на это предисловие, видимо, не заметил процитированного выше предисловия, а зря: читающей публике становилось очевидно, что перед ней новое сочинение Пушкина. В строфе II романа читатель вновь убеждался в том же:

*Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа... и т.д.
А к строкам из строфы I:
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,*

читатель первого издания находил пространное примечание (под номером 11): «Автор, со стороны матери, происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Аннибал...» и далее следует довольно подробное изложение биографии А.П. Ганнибала.

Таким образом, для читателей первого издания (а также и всех последующих изданий) в самом тексте дана однозначная идентификация автора: это правнук А.П. Ганнибала, написавший «Руслана и Людмилу». А это не Онегин, не Катенин и даже не Барков. Для мистификаций места не остается!

Что же касается отсутствия фамилии Пушкина на обложке этого издания, то объяснение тут простое. Сосланный Пушкин просил своих петербургских друзей-издателей ничего не публиковать под его именем, с основанием опасаясь цензуры. Так, посылая Бестужеву из Кишинева (1822 год) стихотворение для публикации, Пушкин пишет о цензуре: «Предвижу препятствия в напечатании стихов к Овидию, но старуху можно и должно обмануть, ибо она очень глупа... Главное дело в том, чтобы имя мое до нее не дошло, и все было слажено». (Стихотворение «К Овидию» вышло в «Полярной звезде за 1823 год» без подписи). При публикации первой главы романа Пушкин не мог рассуждать иначе.

Г-н Барков уверяет: «...системой примечаний к роману Пушкин показал, что он, «издатель», не «автор» романа, что «автором» и «рассказчиком» в нем является именно Онегин». Это бездоказательно. Тексты примечаний к роману позволяют легко доказать обратное.

Отметим, что «текст самого Евгения Онегина» не может существовать по определению, т.к. Пушкин создал Онегина неспособным создавать литературные тексты. В строфе XLIII первой главы читается:

*Отступник бурных наслаждений,
Онегин дома заперся,
Зевая, за перо взялся,
Хотел писать —*
но труд упорный
Ему был тошнен, ничто
Не вышло из пера его,
И не попал он в цех зазорный
Людей, о коих не суежу,
Затем, что к ним принадлежу.
В трех последних строках Пушкин, осознавший себя к этому моменту «принадлежащим к цеху», т.е. профессиональным литератором (именно об этом осознании — «Разговор книгопродавца с поэтом», написанный и опубликованный одновременно с первой главой), отграничивает себя от Онегина. Эту мысль Пушкин развил в строфе LVI той же главы:

...Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной...
А г-н Барков, видя, этому не рад. Поэтому при построении своих гипотез боится прикасаться к тексту романа. Несчастная любовь, которая многих подвигает к рифмоплетству, не сделала Онегина поэтом. В строфе XXXVIII восьмой главы читается:

Карандашный рисунок, нарисованный в Крыму в 1820 г.

вестует о том, как уже после отката Татьяны посредственный литератор Онегин, являющийся в романе рассказчиком, «...пишет мемуары в форме поэмы...». Дурац нашего брата! Онегин, вопреки Баркову, не мог быть «посредственным и злобствующим литератором», ибо не был литератором вообще. Все же созданный Барковым образ запоминается.

О «Разговоре книгопродавца с поэтом» Барков утверждает: «Никто не понял, что это эпилог, все приняли его за самостоятельное стихотворение и так его до сих пор и публикуют». Первым из «непопулярных» был сам Пушкин, который в 1825 году включил его в первое собрание своих сочинений в качестве отдельного стихотворения. В двух первых изданиях первой главы эти стихотворный диалог со свободной схемой рифмовки (написан не онегинской строфой) был помещен за предисловием в качестве своеобразного идейного пролога, чтобы подготовить читателя к встрече с чем-то качественно новым для русской литературы. Отойдя от романтической стилизации «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана», Пушкин показал в романе поэзию окружающей повседневности. Сама жизнь подтолкнула Пушкина, которому не на что было жить в ссылке, к трезвому осознанию действительности и отходу от романтических грех. В «Разговоре...» Пушкин, перебирая мотивы художественного творчества, в итоге останавливается на свободе.

Книгопродавец
*...Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?*
Поэт
Свободу.
Книгопродавец
*...Наш век — торгаж;
в сей век железный
Без денег и свободы нет.*
*...Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.*
Свободное творчество, становясь литературным трудом, дает художнику материальную независимость — новая по тем временам, «непоэтическая» мысль.

«Непоэтическим» оказался поначалу и сам роман многим современникам. Об этом свидетельствуют их отрицательные отзывы, тщательные подобраны г-ном Барковым. Тут ничего не поделаешь: гений Пушкина стремительно развивался и двигался вперед, а перечисленные литераторы надолго (а то и на всю жизнь) остались в рамках привычных эстетических представлений.

В процессе перестройки основ литературоведения Барков решил заодно учинить ревизию устоявшейся хронологии событий в романе, перенес их в период до войны 1812 года. Забавно посмотреть, как это получается. Барков: «Могло ли иметь место путешествие Онегина с посещением Макарьевской ярмарки в 1821 году, как принято считать, если сама ярмарка сторела в 1816-м и с 1817 года проводилась в Нижнем Новгороде?».

Пушкин полагал, что могло: «Е. Онегин из Москвы едет в Нижний Новгород: ...перед ним Макарьев суетно хлопочет, Кипит обилием своим». И т.д.

Макарьевская ярмарка, которую Онегин посетил в Нижнем Новгороде, была перенесена туда от стен Макарьевского монастыря, но сохранила свое название и по инерции, и потому, что ее работа была приурочена ко дню Св. Макария (25 июля). Далее. Из биографии Зарецкого, попавшего в плен к французам, г-н Барков выводит, что Зарецкий не мог присутствовать на дуэли Ленского после 1812 года, — тут, как говорится, без комментариев. Еще один образец логики: «Могла ли в 1820 году, — спрашивает Барков, — звучать на берегах Невы рождовая музыка, если единственный на всю Россию оркестр рождовых инструментов прекратил свое существование в 1812 году?» Вопрос ни о чем, т.к. этого оркестра в романе нет. Барков здесь имеет в виду строки из строфы XLVIII первой главы:

*...И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удалая...*
но на текст по понятным причинам не ссылается. Короче: открыты г-на Баркова рассчитаны на тех, кто не заглянет в пушкинский текст.

Вся эта система домыслов выстроена в целю доказать, что «Пушкин систематически избивал Катенина», что «не только роман «Евгений Онегин», но и целый ряд широко известных произведений Пушкина... являются пародиями — ответами Катенину в этой литературной борьбе, которую Пушкин вел до самой смерти». Пушкин действительно любил мистификации, и жанр литературной пародии освоил им блестяще. Но хоть убейте, не могу я себе представить Пушкина в роли злобного параноика, который корезит одно за другим свои произведения единственно ради того, чтобы все они пародировали Катенина. И поручай мне в том — пушкинские тексты.

П. А. Катенин, офицер, поэт и драматург, принадлежал к литературной группе «архаистов», которая вела постоянную пикировку с «Арзамасом». Несмотря на это, в первый петербургский период своей жизни «арзамасец» Пушкин был в приятельских отношениях с Катениным. С ним, как и с «архаистами» Грибоедовым и Кюхельбекером, Пушкина связывали увлечения театром и поэзией, а также политические взгляды. Позже Пушкин в письме из Михайловского напоминал Катенину: «...один из лучших вечеров моей жизни; помнишь?.. На чердаке князя Шаховского» («Чердаком» называли в Петербурге верхний этаж дома Шаховского, где устраивались веселые вечеринки). Катенин, прочитав первую главу романа, писал Пушкину: «Кроме прелестных стихов, я нашел тут тебя самого, твой разговор, твою веселость и вспомнил наши казармы в Миллионной».

Незадолго до высылки из Петербурга Пушкин был смертельно оскорблен Федором Толстым-американцем, который выдумал позорную Пушкина сплетню. Катенин оказал Пушкину ценную дружескую услугу: проинформировал Пушкина об истинности сплетни и, по-видимому, старался ей противостоять. В 1822 году Пушкин писал Катенину из Кишинева: «Разве ты не знаешь несчастных сплетней, кои я был жертвою, и не твоей ли дружбе... обязан я первым известием об них?». В том же письме Пушкин объясняет Катенину, что не держит на него зла за предполагаемые намеки в комедии «Сплетни»: «Во всяком случае не могу сердиться. Если б я имел что-нибудь на сердце, стал ли бы я говорить о тебе наряду с теми, о которых упоминаю... Надеюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты любишь меня. Ты перевел «Сиду», поздравляю тебя и старого моего Корнеля...». Он советует Катенину написать «романтическую трагедию в 18-ти действиях...». Ты сделаешь переворот в нашей словесности, и никто более тебя того не достоин... Прощай, эсхил, обнимаю тебя, как поэта и друга». Вот так оценивал Пушкин драматургический и поэтический талант Катенина.

Примерно в это же время Пушкин запечатлел Катенина в строфе XVIII первой главы романа, наряду с такими театральными корифеями своего времени, как Фонвизин и Дидло:

*Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величайший...*

В письме из Михайловского (сентябрь 1825 года) читаем: «Ты не можешь себе вообразить, милый и почтенный Павел Александрович, как обрадовало меня твое письмо, знак неизменной твоей дружбы... Наша связь основана не на одинаковом образе мысли, но на любви к одинаковым занятиям...». Эта красивая формулировка говорит о том, что Пушкин сумел стать выше межгрупповых перепалок и дрязг. К тому же самому он призывал и своих петербургских друзей, стараясь примирить с Катениным Бестужеву и Вяземского, которые довольно долго вели с ним литературную перепалку. Бестужеву, 1825 год: «Надеюсь, что наконец отдашь справедливость Катенину. Это было бы кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усердствовать суждения свои сродни мыслящему созданию. Бескорыстное признание в одном требует душевной силы». (Чтение писем Пушкина — отдельное удовольствие). Вяземскому, 1826 год: «Жаль мне, что с Катениным ты никак не ладишь. А для журнала он — находка». Здесь Пушкин говорит о журнале, который он замыслил создать и куда хотел привлечь Катенина в качестве критика. Катенин, 1826 год: «Голос истинной критики необходим у нас; кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление? Покамест, кроме тебя, нет у нас критика. Многие (в том числе и я) много тебе обязаны; ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли. Если б согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принес бы ты русской словесности: как думаешь?».

После этого письма нас не должно удивлять, что именно с Катениным Пушкин советовался о том, как лучше скомпоновать материал «Евгения Онегина». В предисловии к «Отрывкам из путешествия Онегина» Пушкин рассказывает читателям об изменении композиции романа: «П. А. Катенин (кому прекрасный поэтический талант не мешало быть и тонким критиком) заметил нам, что сие исключение, может быть, и выгодно для читателей, вредит, однако ж, плану целого сочинения... — Замечание, обличающее опытного художника. Автор сам чувствовал справедливость оного, но решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики». Так в наше время вежливый автор благодарит тако-го-то «за неоценимую помощь при подготовке книги к печати». (Отметим, что в процитированном отрывке Пушкин говорит о себе то в первом лице — «нам», то в третьем лице — «автор»). Это не нарушает смысла и стиль «официального» текста. Ту же особенность можно

заметить и в процитированном выше примечании II к первому изданию первой главы).

Из всего приведенного выше хорошо видно, как тепло относился реальный Пушкин к реальному Катенину, как высоко ценил его творческий талант. И об этом-то Пушкине г-н Барков смог утверждать, что он «систематически избивал Катенина»!?

По возвращении из ссылки Пушкин, как известно, написал оцаре оптимистические «Стансы» («В надежде славы и добра»), 1826 год. Многие из радикально настроенных друзей, в том числе и Катенин, сочли это стихотворение льстивым, и Пушкину пришлось разъяснять им свою позицию стихотворением «Друзьям» (1828 год):

*...Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.*

Катенин отреагировал, направив Пушкину послание и балладу «Старая бль» о прихворном льстивом певце-кастрате. Пушкин вежливо отвел от себя удар, поднявшись выше мелких обид. Балладу он опубликовал в «Северных цветах» с благожелательным предисловием в адрес издателей: «П. А. Катенин дал мне право распространять этим прекрасным стихотворением. Я уверен, что вам будет приятно украсить им ваши «Северные цветы». Там же Пушкин поместил и свой «Ответ Катенину». В нем поэт отклоняет поднесенный ему кубок суетной славы, ссылаясь на усталость от литературных перепалок, и возвращает его маститому автору:

*...Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе вослед опять за славою.*

*Я сам служивый: мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в стихах Парнаса;
Пред делом кубок наливай
И лавер Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.*

Наверное, Пушкина огорчило послание «милго, но лукавого товарища». Все же это изычное стихотворение совсем не похоже на те энергичные эпиграммы, какими Пушкин разил врагов. В нем не гнев, а скорее, горечь разочарования в очередном друге, не пожелавшем разделить его оптимистический оптимизм. Но дело в том, что этот оптимизм уже сохлил на нет, так что оптимистический пыл Катенина пропал втуне. По-видимому, вскоре последовало примирение. Уж если Пушкин каким-то образом примирился с таким ненавистным врагом, как Толстой-американец, да не просто примирился, а поручил ему быть посредником в сватовстве к Гончаровой, то отношения с Катениным вполне могли наладиться. Во всяком случае, в 1833 году роман был опубликован в окончательном составе, с «Отрывками из путешествия Онегина» и столь лестным для Катенина предисловием к ним (процитированным выше).

Но даже если предположить, что обиженный Пушкин захотел спародировать Катенина в романе, то сделать это было невозможно, т.к. к моменту размовки шесть глав романа уже были опубликованы. И так, «Евгений Онегин» — не пародия на Катенина и не мениппея.

В заключение любопытно было бы, после приятных цитат из Пушкина, просматреть словесный ряд, которым пользуется г-н Барков для создания собственного текста. О Пушкине: «с темпераментным врагом», «систематически избивал», «явная нелюбовь к Барташескому», «издевательская». О Катенине: «злбствовал», «по-подлому», «издевательская», «пасквиль», «нагло», «ядовитые укусы». Об Онегине: «подлый аноним», «мстятый Татьяна хвастун». О Татьяне: «эмбриональное состояние ее души», «душевное окостенение». О романе: «рассыпающиеся образы», «несовершенство строфики» (!), «скашивание на лирику» (!), «незавершенность описания Онегина, который вместо обещанных 25 песен оборвал повествование на восьмой», и т.д. Лексика такого рода создает определенный эмоциональный фон. Каждый из нас волен не любить, допустить, музыку Моцарта. Однако нарочитое отсутствие пиетета к мировой классике самой по себе не есть доказательство парадоксальных теорий на ее счет.